

ЧАСТЬ I

Жизнь как она есть — всего лишь мечта об отмщении.

Поль Гоген

Грязный торг

Наставник Глокта стоял посреди огромного пустынного холла. Томясь в ожидании, он вытянул изогнутую шею в одну сторону, затем в другую; привычно хрустнули позвонки, по изувеченным мышцам между лопаток растеклась привычная боль.

«Зачем я делаю это, если мне больно? Зачем мы себя мучаем — трогаем языком язвочку, сдираем волдырь, сковыриваем с раны подсохшую корку?»

— Зачем? — еще щелчок.

Мраморный бюст у подножия лестницы хранил презрительное молчание.

«Как знакомо... Иного я и не ожидал».

Глокта зашаркал по плиткам пола, подволакивая безжизненную ногу; под сводчатым лепным потолком звонким эхом разносился стук трости.

Среди дворян открытого совета лорд Ингелстад, хозяин этого в высшей степени роскошного холла, занимал в высшей степени скромное положение. За последние годы дела благородного семейства серьезно пошатнулись, от бывшего богатства и влиятельности не осталось и следа.

«И чем ничтожнее человек, тем на большее притязает. Почему они вечно не могут понять? Неужели не ясно, что на фоне большого ничтожное выглядит еще ничтожней?»

Где-то в сумраке невидимые часы исторгли из механического чрева несколько гулких ударов.

«Как уже, оказывается, поздно. Чем ничтожнее человек, тем дольше заставляет ждать. Это греет ему душу. Но я умею быть терпеливым, когда нужно. На пышных приемах без меня не скучают, восторженные почитатели у порога не толпятся, прекрасные женщины не высматривают с замиранием сердца мой силуэт... Благодаря заботам гурков из императорских тюрем все это осталось в далеком прошлом».

Прижав к пустым деснам язык, Глокта переставил ногу и застал — в спину как будто вонзились сотни игол, от боли задергалось веко.

«Я умею быть терпеливым. Единственная хорошая вещь, когда каждый шаг — испытание. Ступать осторожно учишься с поразительной скоростью».

Ближайшая дверь внезапно распахнулась. Глокта резко обернулся, так, что хрустнула шея, и ему стоило немалого труда подавить страдальческую гримасу. На пороге стоял лорд Ингелстад — крупный, румяный, добродушный на вид мужчина. С дружелюбной улыбкой он жестом пригласил Глокту пройти в комнату.

«Словно нам предстоит любезная светская беседа».

— Простите, наставник, что заставил вас ждать. С того дня, как я приехал в Адуу, у меня столько посетителей! Прямо голова кругом! — «Будем надеяться, что она не открутится напрочь». — Очень, очень много посетителей! — «И все с интересными предложениями. В обмен на голос. В обмен на помощь при выборах следующего короля. Что ж, от моего предложения будет болезненно отказываться». — Наставник, позвольте предложить вам вина?

— Нет, благодарю. — Глокта, прихрамывая, вошел в комнату. — Я заглянул ненадолго. У меня тоже много дел.

«Ты же знаешь, что сами собой выборы нужного результата не дают».

— О, разумеется! Пожалуйста, садитесь.

Беззаботно опустившись в кресло, Ингелстад указал рукой на противоположное. Глокта медленно сел и, немного поерзав, выбрал удобное положение, в котором спину не крутило от боли.

— О чем вы хотели со мной поговорить?

— Я пришел от имени архилектора Сульта. Скажу без обиняков — надеюсь, вы не обидитесь: его преосвященству нужен ваш голос.

Тяжелые черты лица аристократа исказились в притворном изумлении.

«Чересчур фальшивое притворство».

— Кажется, я не совсем вас понимаю. Для решения какого вопроса ему нужен мой голос?

Глокта вытер слезящийся глаз.

«К чему кружить, словно в бальном зале? Ты не создан для этого, а у меня нет ног».

— Для решения вопроса, кто взойдет на престол, лорд Ингелстад.

— Ах, вот оно что! — «Вот оно что. Придурок». — Наставник Глокта, я безмерно уважаю его преосвященство. — Он подчерк-

нуто смиренно склонил голову. — Не хочется разочаровывать ни его, ни вас, но совесть не позволяет мне поддаться на уговоры и принять чью-либо сторону. Мы, члены открытого совета, наделены священным доверием, поэтому мой долг — отдать свой голос за того, кого из множества прекрасных кандидатов я считаю лучшим. — Его губы тронула самодовольная усмешка.

«Отличная речь. Деревенский дурачок, может, и купился бы. Который раз за последние несколько недель я слышу подобное? После показательного выступления обычно начинается торг — подробное обсуждение стоимости священного доверия. Какое количество серебра перевесит драгоценную совесть, какое количество золота разорвет крепкие узы долга... Только я сегодня не в настроении торговаться...»

Глокта высоко вскинул брови.

— Ваша благородная позиция, лорд Ингелстад, заслуживает восхищения. Если бы каждый человек имел похожие принципы и силу характера, в каком чудесном мире мы жили бы! Крайне благородная позиция! Особенно для человека, которому грозит потерять... в общем-то, абсолютно все, если не ошибаюсь. — Он взял трость и, морщась от боли, сдвинулся на край кресла. — Но вас, как вижу, не переубедить... Я, пожалуй, пойду..

— Наставник, вы о чем? — На пухлом лице Ингелстада появилась тревога.

— Как — о чем? О взятках, незаконных сделках...

Румянец на щеках дворянина потускнел.

— Наверное, произошла ошибка...

— Уверю вас, никакой ошибки! — Глокта достал из внутреннего кармана пальто стопку бумаг. — Старшие члены гильдии торговцев шелком в своих признаниях часто упоминали ваше имя. Весьма часто. Понимаете? — Он развернул хрустящие листы так, чтобы лорд Ингелстад тоже видел записи. — Здесь вас называют «соучастником» — заметьте, не я придумал это слово. Здесь — «главным выгодоприобретателем» грязнейшей контрабандной операции. А вот здесь, — мне даже неловко говорить, — здесь ваше имя находится в опасной близости от слова «измена».

Ингелстад обмяк и, привалившись к спинке кресла, дрожащей рукой со стуком поставил бокал на стол; на полированное дерево плеснулись темные капли вина.

«Ай-ай-ай! Право, их лучше поскорее вытереть, иначе останется ужасное пятно. Некоторые пятна вывести невозможно».

— Впрочем, его преосвященство, — продолжал Глокта, — считает вас своим другом, поэтому убрал имя Ингелстад из исходных документов. Он понимает, что вы просто пытались спасти семью от разорения, и искренне вам сочувствует. Однако архилектор

будет крайне разочарован, если вы откажете ему в поддержке на голосовании, а тогда его сочувствие быстро иссякнет. Вы догадываетесь, о чем я?

«По-моему, я объяснил все четко и ясно».

— Догадываюсь, — хрипло отозвался аристократ.

— И что там с узами долга? Как, по-вашему, — они ослабли?

Ингелстад нервно сглотнул, его лицо побелело, как полотно.

— Я бы приложил все силы, чтобы помочь его преосвященству, не сомневайтесь, только... дело в том... — «Ну-ну... И что теперь? Предложишь в отчаянии заключить сделку? Попытаешься всучить взятку? Или даже воззовешь к моей совести?» — Вчера ко мне приходил представитель верховного судьи Маровии. Человек по имени Харлен Морроу. Он произнес похожую речь... и присовокупил похожие угрозы.

Глокта нахмурился.

«Неужели? Маровия и его гнусный червяк... Вечно они путаются под ногами. Либо идут на шаг впереди, либо дышат в затылок...»

— И что мне делать? — В голосе Ингелстада зазвенели визгливые нотки. — Я не могу поддержать вас обоих! Наставник, я просто уеду из Адуи! Навсегда! Я... Я воздержусь от голосования...

— Ничего подобного, мать вашу, вы не сделаете! — прошипел Глокта. — Вы притомосуете так, как я говорю, и к черту Маровию! — «Не придавить ли его покрепче? Подло, но... ничего не поделаешь. Руки у меня и так замараны по локоть. Подлостью больше, подлостью меньше...» — Вчера в парке я наблюдал за вашими дочерьми, — меняя интонацию, вкрадчиво промурлыкал он. На лице дворянина померкли последние краски. — Какие юные невинные создания! Какие нежные бутоны! Еще немного — и распустятся. Все три наряжены по последней моде, одна прелестнее другой. Самой младшей... лет пятнадцать?

— Тринадцать, — сипло выдохнул Ингелстад.

— Ах, тринадцать? — Глокта обнажил в улыбке беззубые десны. — Рано она у вас расцвела. Девочки впервые приехали в Адуу, если не ошибаюсь?

— Впервые, — прошептал он.

— Я так и думал. Их восторженная оживленность во время прогулки по садам Агрионта всех просто очаровала! Клянусь, самые видные столичные женихи уже готовы выстроиться в очередь. — Улыбка Глокты постепенно угасла. — Сердце кровью обливается, как подумаешь, что столь хрупкие создания бросят в одну из страшнейших исправительных колоний Инглии! Там красота, изысканные манеры и мягкий характер привлекают внимание иного рода, куда менее лестное. — Медленно наклонившись к Ин-

гелстаду, он с деланным ужасом передернул плечами и прошипел: — Такой жизни я не пожелал бы и собаке. А виной тому — неблагодарность отца, который мог этого не допустить.

— Но мои дочери не участвовали...

— Мы выбираем нового короля! В жизни государства участвуют все! — «Пожалуй, чересчур жестоко. Однако жестокие времена требуют жестоких решений». Глокта оперся на здоровую ногу и с трудом поднялся из кресла; рука, сжимающая трость, дрожала от напряжения. — Я передам его преосвященству, что на ваш голос можно рассчитывать.

Ингелстад сник окончательно. Сгорбился, сжался.

«Словно проколотый бурдюк».

На лице застыли отчаяние и ужас.

— Но верховный судья... — прошептал он. — Неужели у вас нет ни капли жалости?

Глокта пожал плечами.

— Уже нет. В детстве я был жалостлив до идиотизма. Я рыдал даже над мухой, трепещущей в паутине. — Поворачиваясь к двери, он скривился от боли: ногу свела судорога. — Однако бесконечные страдания излечили меня.

Встреча проходила в узком кругу («Правда, компанию теплой не назовешь») за огромным круглым столом, в огромном круглом кабинете. Наставник Гойл, сидевший напротив Глокты, злобно буравил его взглядом, глазки-бусинки так и сверкали на костлявом лице.

«И, похоже, не от избытка нежных чувств».

Внимание его преосвященства архиепископа Сульта, главы инквизиции его величества, было приковано к полукругу стены, увешанной тремястами двадцатью листками бумаги.

«По листку на каждую благородную душу нашего открытого совета».

В большие открытые окна задувал легкий ветерок, и бумага тихо шелестела.

«Дрожащие листочки дрожащих голосков».

На каждом значилось имя.

«Лорд такой, лорд этакий, лорд разэтакий таких-то земель. Могущественные аристократы и мелкие дворянчики. Люди, чье мнение никого не интересовало до тех пор, пока принц Рейнольд не отправился из собственной постели напрямиком в могилу».

На уголках большинства листов были прилеплены разноцветные восковые шарики. На некоторых по два и даже по три.

«Метки верности. Кто за кого отдаст голос. Голубой шарик — за лорда Брока, красный — за лорда Ишера, черный — за Маровию,

белый — за Сульга и так далее. И все их надо постоянно менять, в зависимости от того, куда дует ветер».

Ниже тянулись густые строчки, выведенные убористым почерком. Что там написано, Глокта со своего места не видел, но ему и не требовалось вчитываться, — он прекрасно знал содержание.

«Жена — бывшая шлюха. Неравнодушен к юношам. Слишком много пьет. Убил слугу в приступе ярости. Не может заплатить игровой долг. Тайны. Слухи. Ложь... Вот они, орудия благородного торга. Триста двадцать имен, триста двадцать гнусных историй. Каждую пришлось раскопать, провести расследование и использовать с выгодой для себя. Вот она, политика. Поистине труд праведников. Так зачем я делаю это? Зачем?»

Архилектора занимали более насущные проблемы. Сцепив за спиной руки в белых перчатках, он рассматривал трепещущие листки.

— Брок по-прежнему всех опережает, — мрачно пробормотал его пресвященство. — У него примерно пятьдесят голосов, я уверен. — «Насколько можно быть уверенным в наши ненадежные времена». — Ишер наступает ему на пятки — его поддерживают больше сорока человек. У Скальда, насколько известно, тоже прибавилось голосов. Не ожидал от него такой жесткой хватки. Тридцать голосов ему дает делегация из Старикланда, он их крепко держит. Столько же у Барезина. Значит, эта четверка и есть главные кандидаты.

«Кто знает, кто знает... Вдруг король протянет еще годик? Тогда, пожалуй, и голосовать будет некому — к тому времени мы все друг друга перебьем. — Глокта едва сдержал ухмылку, представив зал Круга лордов, заваленный роскошно разодетыми трупами: все дворянство Союза и двенадцать членов закрытого совета. — Каждый заколот кинжалом в спину своим соседом. Омерзительная сущность власти...»

— Вы разговаривали с Хайгеном? — отрывисто спросил Сульг.

Гойл кивнул лысой головой и с презрительной усмешкой раздраженно взглянул на Глокту.

— Лорд Хайген еще сопротивляется. Никак не избавится от фантазий, что может сам взойти на престол, хотя контролирует от силы дюжину кресел. Все мечется, пытаясь наскрести голоса в свою поддержку, и так этим занят, что толком не выслушал наше предложение. Думаю, через неделю-другую он образумится. Возможно, тогда удастся склонить его в свою сторону, но я бы на него не рассчитывал. Скорее всего Хайген объединится с Ишером — они всегда тесно общались.

— Что ж, рад за них, — прошипел архилектор. — Что насчет Ингелстада?

Глокта поерзал в кресле.

— Ваше преосвященство, я предъявил ему ультиматум в самой жесткой форме.

— Значит, его голос можно считать нашим?

«Как бы это сказать?»

— Твердой уверенности у меня нет. Верховный судья Маровия пригрозил ему тем же, чем и мы. Он действует через некоего Харлена Морроу.

— Морроу? Разве он не из лизоблюдов Хоффа?

— Видимо, его повысили. — «Или понизили. В зависимости от того, с какой стороны смотреть».

— С ним можно разобрататься. — Гойл мерзко ухмыльнулся. — Проще простого...

— Нет! — отрезал Сульт. — Гойл, почему с вами всегда так? Только на горизонте замаячит проблема, как вы готовы решить ее убийством! Сейчас надо действовать осторожно. Пусть видят, что мы разумные люди, с которыми можно вести переговоры. — Он отошел к окну, и крупный камень в его перстне заискрился на ярком свету мерцающими фиолетовыми бликами. — Между прочим, дела в Союзе плохи. Страна фактически без правителя. Налоги никто не собирает. Преступников не ловят. Да еще какой-то ублюдок по прозвищу Дубильщик, демагог и предатель, подстрекает на деревенских ярмарках народ к мятежу! Крестьяне массово бросают поля и подаются в разбойники. Люди стонут от краж и грабежей. Мы терпим чудовищные убытки. Хаос постепенно охватывает страну, и остановить это у нас нет возможностей. В Адуе остались только два Собственных Королевских, и они с трудом поддерживают порядок в городе. А вдруг кому-то из благородных лордов надоест ждать голосования, и он решит надеть корону пораньше? От них всего можно ожидать!

— А что там с армией? Скоро они вернуться с Севера? — спросил Гойл.

— Вряд ли. Этот олух, маршал Берр, три месяца проторчал под Дунбреком, а Бетод тем временем спокойно перегруппировал войска за Белой рекой. Черт его знает, когда он наконец справится с северянами! Может, вообще никогда.

«Три месяца уничтожать собственную крепость! Напрасно наши архитекторы так добротню ее строили».

— Двадцать пять голосов... — Архилектор хмуро взглянул на шелестящие листки бумаги. — Двадцать пять. А у Маровии восемнадцать? У нас почти никаких сдвигов! Едва мы приобретаем нового сторонника, тут же теряем кого-то из старых!

Гойл подался вперед.